

УДК 821.161.1

**ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕМУАРНОГО ТЕКСТА
(НА ПРИМЕРЕ «ЖИЗНИ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ АНДРЕЯ БОЛОТОВА»)**

© 2013 г.

А.А. Бахтина

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

salina.alena@yandex.ru

Поступила в редакцию 07.09.2012

Рассматриваются способы трансформации мемуарного текста (на примере воспоминаний А.Т. Болотова) в произведении самого яркого представителя формальной школы – Виктора Шкловского. Определены основная сфера и средства трансформации; дан анализ одной из ключевых сцен «Краткой, но достоверной повести о дворянине Болотове» В.Б. Шкловского – восстания Е. Пугачева.

Ключевые слова: мемуарная литература, трансформация текста, историческая повесть, история представлений.

Документальность и субъективность – два полюса, определяющие характер мемуарной литературы. С одной стороны, читатель рассчитывает на правдоподобное изложение событий, с другой – автор в своих воспоминаниях может быть весьма субъективным. В конечном результате перед читателем не «голые» факты, а факты, несущие определенную авторскую «нагрузку» (эмоции, жизненный опыт и т. д.). Все это позволяет поставить мемуарную литературу между документом и беллетристикой.

И.О. Шайтанов так определяет особенности мемуаров: «Мы ожидаем от мемуаров фактической точности, но факт – это не только дата, событие, но и впечатление. Быть может, именно впечатление есть суверенная область мемуаров – наиболее личного документа эпохи» [1]. Это определение вполне подходит к воспоминаниям А.Т. Болотова (1738–1833 гг.), известного ученого, агронома, писателя и художника. Дневниковые записи, послужившие основой для мемуарного текста, велись А.Т. Болотовым на протяжении 27 лет, с 1789 по 1816 г. Вот как описывает процесс работы Болотова над своими мемуарами А.Г. Тартаковский: «По мере подготовки на основе чернового дневника отдельных частей своей «Жизни» он давал читать их детям, но при этом некоторые чересчур откровенные описания темных сторон быта, неблагоприятные, по его мнению, в воспитательном смысле, намеренно не переносил из дневника в беловой текст воспоминаний или всячески их смягчал и приукрашивал» [2, с. 83]. Черновые записи неоднократно переписывались набело самим автором; впоследствии сын А.Т. Болотова, Павел, украсил их рядом рисунков и виньеток. Мемуары Болотова долгое время хранились в семейном архиве, а в 1839 г. появились в виде

безжалостно отредактированных отрывков в «Сыне отечества»; в 1850–1851 гг. в «Отечественных записках» были опубликованы первые шесть частей мемуаров Болотова (также отредактированные). Мемуары «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков» (1789–1816 гг.) в полном объеме (изменения коснулись лишь орфографии) увидели свет в 1871–1873 гг. в Приложении к «Русской старине», впоследствии неоднократно переиздавались¹. Однако все поздние издания представляют собой весьма сокращенную версию мемуаров.

В случае «Записок»² А.Т. Болотова мы имеем дело с так называемой историей представлений³: все события группируются вокруг личности автора (субъектно-ориентированный тип мемуаров)⁴. Перед нами не только чрезвычайно подробное описание исторических событий, но и оценка их Болотовым. Ярко выраженное авторское начало неизменно влечет за собой элемент предвзятости, поскольку автор решает три основных вопроса: что вспоминать, что опустить и как вспоминать? На первый план выступает не знатность героя-повествователя, а его личные заслуги, знания и инициатива. События личной и общественной жизни тесно связаны между собой; ощущение значимости собственной личности («сохранить, по крайней мере, и сие немного от забвения всегдашнего, а о себе оставить потомкам мою незабвенную память» [3, с. 25]), вынесенное в заглавие многотомного труда⁵, дает Болотову повод писать, главным образом, о себе.

«Интимность» повествования в «Записках» Болотова (письма, адресованные «любезному приятелю») располагает к доверию: А.Т. Болотов чрезвычайно подробно делится любимыми

событиями из своей жизни, и у читателя нет повода сомневаться в его правдивости. Следует помнить, что при написании «Записок» Болотов сверялся со своими дневниковыми записями⁶ – таким образом обеспечивается максимальная правдоподобность.

«Записки» Болотова с самой первой публикации вызывали неподдельный интерес. Их высоко оценивали Д. Писарев, Л. Толстой, А. Блок. Для Виктора Шкловского, обратившегося в 30-е гг. к историческим темам и работе в кинематографе, литература XVIII века была благодатным материалом. С одной стороны, на первый план вышла «литература факта». С другой – именно на основе литературы XVIII века мог быть реализован ключевой для формалистов концепт «непрямого пути», идея преемственности «от дяди к племяннику». «Жизнь и приключения Андрея Болотова» была для Шкловского прекрасным образцом «литературы факта»: А.Т. Болотов в своих мемуарах описывает обыденные события, повседневную жизнь в мельчайших подробностях. Футуристический лозунг: «Сбросить Пушкина с парохода современности» сменился другой задачей – необходимостью взглянуть на прошлое под другим углом зрения. Историческая дистанция, лежащая между буржуазной литературой XVIII века и литературой пролетариата, несколько упростила Шкловскому задачу по «деавтоматизации» восприятия: позиция «я/другой» (в данном случае с классовой точки зрения) позволяла преподносить материал как изначально «остраненный». Необходимо также заметить, что В. Шкловский, озабоченный поисками собственной исторической идентичности⁷, воспринимал А.Т. Болотова как типичного представителя своего сословия, отсюда упрощение и тенденциозность в изображении героя.

Объем данной статьи не позволяет провести полное сопоставление текста А.Т. Болотова с пересказом В. Шкловского, поэтому была принята попытка анализа трансформации оригинального мемуарного текста на примере наиболее яркого эпизода (как в «Записках» Болотова, так и в книге Шкловского) – восстании Пугачева.

В построении «Краткой, но достоверной повести о дворянине Болотове» В. Шкловский опирается на мемуары Болотова, но использует их весьма своеобразно. Основа, безусловно, — это краткий пересказ (построенный по типу сценария) обширных воспоминаний А.Т. Болотова: Шкловский в фабуле не меняет почти ничего; все исторические события, в которых непосредственно принимал участие Болотов, остаются неизменными. Однако этого нельзя сказать о характере Андрея Тимофеевича. Шкловский вольно обошелся не только с основными

чертами характера Болотова, но и с интерпретацией его поступков, часто иронизируя над своим персонажем (например: «Перо выпало из просвещенной руки» [4, с. 171]). С самого начала Шкловский акцентирует внимание на излишней осторожности Болотова, его барских замашках, осмотнительности и благоразумии (боязнь пушечной стрельбы в детстве, страх перед собственными крестьянами в зрелом возрасте; в юности А.Т. Болотов всегда предпочитал общество стариков, избегал романов и приключений; так же осмотнительно не стал продолжать знакомство с будущим графом Орловым; осторожно общался с Новиковым и Херасковым, не желая быть втянутым в «недозволенное предприятие» [4, с. 169], т. е. в масонский орден). Именно вокруг этого смыслового центра выстраивается портрет А.Т. Болотова. Если Шкловский и берется изредка трансформировать «подлинник», то все изменения направлены на усиление и подчеркивание недостатков А. Болотова.

Наиболее важные события, которые могут «пролить свет» на характер А.Т. Болотова, такие как эпизоды, связанные с восстанием Пугачева, вошли в книгу В.Б. Шкловского полностью. Реакция героя-повествователя на восстание позволила Шкловскому «собрать воедино» характер Болотова – все черты, намеченные ранее, здесь сливаются в цельный портрет. Историческая составляющая, естественно, осталась без изменений, чего нельзя сказать об отношении А.Т. Болотова к крестьянскому бунту и всем событиям, так или иначе с ним связанным.

Изображение пугачевского бунта позволило Шкловскому акцентировать внимание на недостатках Болотова, которые проявились в том с раннего детства. Весть о восстании Болотов встретил с ужасом («... я так испужался, что долгое время не в состоянии был вымолвить ни одного слова» [5, с. 435]), хотя на людях храбрился и старался взять себя в руки. Набор улан, осуществлявшийся Болотовым, на некоторое время вернул его в привычное русло жизни (приказания начальства Болотов никогда не оставял без внимания и старался если не предугадать желания, то исполнить все максимально быстро). Это со всей очевидностью следует из его мемуаров, а фиксирует он все, надо отдать ему должное, четко и правдиво. Никаких иллюзий на свой счет у него нет, хотя недостатков своего класса (в силу принадлежности к нему) он не видит.

В не меньшей мере подстегивало Андрея Тимофеевича и то, что на новую для него должность управляющего губернией он был назначен недавно и своих крестьян знал плохо (впро-

чем, последнее было ему только на руку). Чрезвычайно напугавшая его весть о якобы приближающемся Пугачеве наделала переполоху во всем болотовском доме: «они сами (жена и теща. — прим. автора), в неопisanном страхе и ужасе, бежали ко мне спрашивать о слышанном ими подтверждения» [5, с. 436]. В этой ситуации проявилось благоразумие А.Т. Болотова: «Здесьним мы еще не наглубили и наше дело тут сторона» [5, с. 437]. В болотовских «Записках» эта фраза — лишь констатация факта, однако в контексте «Краткой, но достоверной повести» В. Шкловского она (даже без каких-либо изменений) начинает звучать иначе: зная по предыдущим главам Болотова как человека мягкого с родными и друзьями и жестокого с крепостными, мы догадываемся, что со своими крестьянами из Дворянинова у него далеко не все было гладко (например: «Особенно боялся Болотов слуг своих, почитая их первыми и злейшими врагами» [4, с.139]).

Надежды Болотова на власть в лице генерала П.И. Панина⁸ оправдались. Весть о том, что Пугачева гонят, принесла долгожданное облегчение — можно было расслабиться. А.Т. Болотов сделал это по-своему, с выдумкой: дни страха должны были быть достойно компенсированы. Болотов перешел к наказаниям, а были они у него весьма изощренные, т. к. А.Т. Болотов по природе своей был человеком изобретательным. Порка и пытка жаждой возместили Болотову все страхи, а публичное наказание, с одной стороны, укрепило его власть (крестьяне свое недовольство больше не демонстрировали), с другой — показало крестьянам, насколько бесцельно и бесперспективно было восстание Пугачева. Фактически с вольнодумством в крестьянской среде Андрей Тимофеевич столкнулся лишь однажды, когда один из крестьян по глупости сболтнул лишнего. Болотов, человек с отличной памятью, этого не забыл и все наказания для него утраивал. Прошло время, и «отдохнул Андрей Тимофеевич от страха» [4, с. 149]. Крестьяне стали умнее.

Следующая, весьма показательная сцена — повышение оброка. На самом деле все было совсем не так, как описывает Шкловский: «Другим делом Андрея Тимофеевича была поездка в Москву для переговоров с князем о повышении оброка. До Болотова платили в Киясовке четыре рубля с тягла, а Болотов считал нужным, чтобы платили шесть рублей с тягла» [4, с. 149]. Однако Болотов оброка не повышал и карман себе не набивал. Шкловский поворачивает ситуацию на 180 градусов, и перед нами предстает человек, склонный к наживе. Фактически Шкловский встает на сторону крестьян, считавших, что им

необоснованно завысили оброк: «Мы твоему (т. е. Болотова. — прим. автора) приказу не верим и такого оброка платить не хотим» [4, с. 154]. Все эти обвинения Шкловского можно легко опровергнуть, обратившись к запискам Болотова: «Первой угодно было князю, для получения множайшаго с сей волости дохода, оставить тот же, какой крестьяне плачивали до сего своей помещице, а именно по шести рублей с тягла или мужа с женою, который хотя и превосходил оброк, платимой Богородицкою волостью двумя рублями, но для подмосковных крестьян был не только сносен, но и очень еще умерен» [5, с. 483]. Самому Болотову было сложнее избавиться от обвинений. Недовольных крестьян он отправил напрямик к князю Сергею Васильевичу Гагарину⁹, не забыв, правда, предварительно написать ему письмо. Здесь Шкловский еще больше трансформирует облик Болотова, делая из него типичного помещика-самодура («законченный тип жесткого помещика-крепостника» [6, с. 8], как позже напишет С.М. Ронский во вступительной статье к «Запискам» Болотова). Увеличение оброка выглядит вполне логично в изображении Шкловского, не вызывает подозрений и несколько не противоречит тому образу А.Т. Болотова, который рисует в своей книге В.Б. Шкловский.

Последовательно изменяя облик Болотова, Шкловский радикально трансформирует одну из ключевых сцен в «Записках» Болотова — казнь Емельяна Пугачева. Как уже говорилось выше, слухи о Пугачеве чрезвычайно перепугали всех обитателей болотовского дома. Однако, сделав все необходимые распоряжения и узнав, что Пугачев наконец пойман, Андрей Тимофеевич успокоился: угроза его размеренной жизни была устранена. Из мемуаров А.Т. Болотова следует, что первоначально у него не было намерения смотреть на казнь, он даже не знал, в какой день она будет; А.Т. Болотов не попал бы туда, если бы не уговоры приятеля, г. Обухова, встретившего нашего героя на заставе. То, что Болотову «посчастливилось» наблюдать за казнью Пугачева и его соратников из первых рядов, — всего лишь удачное стечение обстоятельств. Смертная казнь по тем временам была явлением довольно редким¹⁰, поэтому А.Т. Болотов просто воспользовался удобным случаем.

У Шкловского этот эпизод выглядит иначе: приятель будто бы заехал за Болотовым домой, и они отправились смотреть на «невероятное зрелище». Случайная встреча двух знакомых на заставе у Шкловского превращается в заранее спланированное действие: Болотов якобы знал о предстоящей казни Пугачева, поэтому договорился с приятелем о встрече. На самом деле это

не так. У нас гораздо больше оснований верить запискам Болотова (как говорилось выше, в них он опирается на свои дневниковые записи). Вот как выглядит встреча в описании Андрея Тимофеевича: «Да как это, братец, уезжаешь ты от такого праздника, к которому люди пешком ходят? — «От какого такого? (спросил я). — «Как, разве ты не знаешь, что сегодня станут казнить Пугачова?» [5, с. 487]. Поспешная пересадка Болотова из своей кибитки в сани к г. Обухову для Шкловского — свидетельство нетерпеливости от предвкушения редкого зрелища, тогда как у Болотова это лишь желание приехать к месту казни вовремя (А.Т. Болотов в принципе был пунктуальным человеком).

Неспешность, с которой Пугачева везли к эшафоту, несомненно, была рассчитана на «подлый люд» (в воспитательно-профилактических целях) – демонстрация того, к чему приводит недовольство властью. Естественно, Болотову не было никакой нужды на это смотреть, к тому же он рисковал не занять выгодное место для наблюдения за подобным «нравоучительным» зрелищем. У Шкловского все это звучит намного резче и прямолинейнее: «Болотову смотреть было некогда. Он спешил к самому эшафоту, чтобы найти себе удобное место» [4, с. 150].

Приготовление к казни и сама казнь изображены Шкловским без изменений, поскольку «корректировать» историческое событие, хорошо знакомое по множеству других источников, было бы не совсем уместно. Что больше всего поразило и оскорбило Болотова в этом «представлении», так это несходство Пугачева с Петром III, за которого тот себя выдавал. Здесь верноподданнические чувства Болотова были серьезно задеты. Петра III А.Т. Болотов неоднократно видел, и вид самозванца — «харчевника плюгавого» – его возмутил. Неудивительно, что он не понял, почему чернь могла поверить в эту нелепую, с его точки зрения, мистификацию. Для А.Т. Болотова казнь Пугачева — «истинное торжество дворян над их общим врагом и злодеем» [5, с. 488]. И смакует он ее как диковинку. То, что стало с останками Пугачева и его соратников, нисколько его не волнует, т. к. важно и показательно было само зрелище, этот момент абсолютного торжества безграничной власти императрицы. Казнь мятежника — это демонстрация того, что государство жестоко подавит любое сопротивление, ничего не простит и не забудет. Власть дворян над крестьянами не ограничена, а пытки и наказания могут быть любыми, лишь бы «имуществу» не был нанесен серьезный ущерб, с чем мастерски справлялся А.Т. Болотов.

Болотов в силу принадлежности к своему классу и «включенности» в историю не мог дать адекватной оценки поражению восстания. Ему

незачем было разбираться во внутренних противоречиях, раздирающих «шайку» Пугачева, и причинах, по которым тот потерпел фиаско. За Болотова это делает Шкловский, но его размышления не вписываются в общую картину, остаются в ней «чужеродным элементом» и звучат как «реплика в сторону». Главное в этих рассуждениях — мысль о том, что угроза благополучию дворянства была устранена. Если она как-то и коснулась А.Т. Болотова (например, уже упоминавшаяся сцена с крестьянами, недовольными якобы завышенным оброком), то Болотов с этим довольно легко справился.

Как уже говорилось выше, Виктор Шкловский исторические события и все детали, их касающиеся, оставляет неизменными, а поведение А.Т. Болотова меняет в угоду творческим замыслам. Интересно, что Шкловский не использует все эпитеты, которыми Болотов наградил Пугачева и его сообщников: «изверг, злодей, чудовище, харчевник плюгавый, сквернавец» – о Пугачеве; «злодейская пугачовская сволочь» – о его товарищах; «праздник, редкое и необыкновенное зрелище, кровавое и странное побоище» — о казни [5]. В тексте Шкловского почти нет бурных эмоций, которые испытывал Болотов. По мемуарам Андрея Тимофеевича без труда можно заметить, что весть о восстании Пугачева изрядно всех напугала. В «Краткой, но достоверной повести» от этого остался лишь легкий намек: если в своих записках Болотов трясся от страха и уповал лишь на «славного генерала графа Петра Ивановича Панина» [5, с. 436] с его войском, то в «Краткой, но достоверной повести» Шкловского от страха почти нет и следа (если не считать «плача боярынь») — осталась только вера Болотова в безграничную силу власти. Эмоциям нет места в хронике Шкловского: он четко фиксирует основные события, и любое проявление эмоций практически исключается. Скорее всего, Шкловский рисует не Болотова, которого мы знаем по обширным мемуарам, а Болотова из его дневников (гипертрофируя недостатки, меняя его характер; добавляя свои рассуждения и объясняя читателю некоторые непонятные моменты), в которых тот был честнее и прямолинейнее, без сантиментов и которые не были рассчитаны на публику и потому лишены «литературности»¹¹. «Снижая» в угоду своим творческим замыслам образ Болотова, Шкловский одного из самых образованных людей его времени превратил в весьма среднего помещика, угрожающего начальству и заботившегося только о том, чтобы оставить потомкам память о себе.

Примечания

1. Об интересе к творческому наследию Болотова свидетельствуют неоднократные переиздания его мемуаров: «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков». М.-Л., 1931; «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков». М., 1986; Записки А. Т. Болотова. Тула, 1988. Т.1–2; Русские мемуары: Избр. страницы, XVIII век. С. 73–116; «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков». М., 1993.

2. А.Г. Тартаковский относит «Записки» А.Т. Болотова к «семейно-домашней» линии в русской мемуаристике (сюда же относятся М.В. Данилов – «первый в России мемуарист-бытописатель» и С.Т. Аксаков [2, с. 63]).

3. Термин «представления/ментальность» активно использовался представителями так называемой школы «Анналов», в частности М. Блоком и Л. Февром. Они стремились «преодолеть прежнюю историческую науку с ее «коллекционированием фактов», фиксацией на событиях» и активно привлекали данные из антропологии, социологии, культуры, религии. Именно благодаря этим ученым историческая наука стала интересоваться ментальностью людей прошлых столетий [8, с. 149].

4. В данном случае мы опирались на попытку классификации мемуарной литературы, предпринятую участниками докторантско-магистрантского семинара под руководством Романа Лейбова [9].

5. Как известно, черновой вариант «Записок» А.Т. Болотова составлял 29 рукописных томов.

6. Дневники А.Т. Болотова, кроме некоторых записей за отдельные годы XVIII века, были переработаны автором в воспоминания. А.Г. Тартаковский отмечает следующие источники мемуаров А.Т. Болотова: «На громадном материале «Черновых журналов всенедельных событий», «Домашних исторических журналов», разного рода «Ежедневников» зиждется жизнеописание А.Т. Болотова» [2, с. 39].

7. Формалисты, по верному замечанию Я. Левченко, «сублимировали обостренно-личное отношение к истории, жажду вписать себя в ее ряды». [7, с. 11]. 1930-е гг. для формалистов ознаменованы «уходом» в историю: Ю. Тынянов стремится исправить несправедливую к писателю историю («Кюхля»), Б. Эйхенбаум ищет оптимальную модель поведения, образец «жизнестроительства» («Лев Толстой»), В. Шкловский пишет ряд исторических повестей.

8. Генерал-аншеф П.И. Панин командовал карательными войсками. Он жестоко подавил восстание Пугачева: многие бунтовщики подверглись пыткам, 324 пугачевца были казнены в течение полугода. Вся ответственность за «жестокости, допущенные при усмирении пугачевщины и явно проникнутые стремлением к удовлетворению чувства мести, жаждою возмездия, – в роде повешения на крюках за ребра и т.п.», – ложится непосредственно на П.И. Панина, наделенного Екатериной II чрезвычайными полномочиями [10].

9. Князь С.В. Гагарин управлял именными Екате-

рины II – Богородицкой, Бобриковской и Киясовской волостями.

10. Смертная казнь при Екатерине II применялась лишь в «эпохи общественных настроений, в години анархии», и не должна была допускаться «при спокойном состоянии государства» (Цит. по: Очерк истории смертной казни в России. Речь, читанная на годичном акте Императорского Казанского университета ордин. проф. Н.П. Загоскиным [10]).

11. О том, что В. Шкловский был знаком с дневниками А.Т. Болотова, свидетельствует следующая фраза: «Кроме книжки записок вел он (Болотов — прим. автора) еще ежедневный дневник, и нужно сказать, что в дневнике он был суше, строже и честней, чем в записках. Вероятно, записки сразу предназначались для чтения» [4, с. 175].

Список литературы

1. Круглый стол: Мемуары на сломе эпох. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/voplit/2000/1/krugly.html>
2. Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в. М.: Наука, 1991. 228 с.
3. Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков: В 3 т. М.: Терра, 1993. Т.1. 555 с.
4. Шкловский В.Б. Краткая, но достоверная повесть о дворянине Болотове. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1930. 188 с.
5. Записки Андрея Тимофеевича Болотова. Т. третий. Части XV–XXI // Русская старина. Ежемесячное историческое издание. Санкт-Петербург: Печатня В.И. Головина, 1872. 1244 с.
6. Ронский С.М. Болотов и его время. // Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков: В 3 т. М., 1993. Т. 1. С. 3–12.
7. Левченко Я. История и фикция в текстах В. Шкловского и Б. Эйхенбаума в 1920-е годы. СПб.: Свое издательство, 2010. 174 с.
8. Розов Н.С. «Спор о методе», школа «Анналов» и перспективы социально-исторического познания [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/2010/11/26/1214821829/Rozov.pdf>
9. Боровикова М., Гузаиров Т., Карловский И. и др. Русские мемуары в историко-типологическом освещении: к постановке проблемы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/document/422973.html>
10. Все о праве: компас в мире юриспруденции [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.allpravo.ru/library/doc101p/instrum2363/item2367.html> <http://www.allpravo.ru/library/doc101p/instrum2363/item2367.html>

**LITERARY TRANSFORMATION OF THE TEXT OF MEMOIRS
(ILLUSTRATED BY THE EXAMPLE OF
«THE LIFE AND ADVENTURES OF ANDREY BOLOTOV»)**

A.A. Bakhtina

The author considers the methods of transformation of the text of memoirs (based on the example of A.T. Bolotov's memoirs) in the work by Viktor Shklovsky, who was the most prominent representative of Russian Formalism. Both the scope of transformation and the means of transformation are defined in this research; it also contains the analysis of one of the key scenes of «The Short but Trustworthy Story about a Nobleman Bolotov» by V.B. Shklovsky — the description of Pugachev's rebellion.

Keywords: literary memoirs, text transformation, historical novel, history of views.